

История и современность

1. ПО РАЗВЕРСТКЕ
НАРКОМПРОДА

20 июля 1920 г. В. И. Ленин подписал постановление Совнаркома «Об изъятии хлебных излишков в Сибири». Это постановление мало известно. Приведу его в выдержках хотя бы для того, чтобы читатель получил представление о методах взимания продразверстки, которые узаконивались этим постановлением.

«2. По предъявлении разверстки обязать волостные и сельские Советы, ревкомы немедленно привлечь все население к обмолоту и сдаче хлеба; в случае необходимости население привлекается к обмолоту в порядке трудовой повинности.

4. Виновных в уклонении от обмолотов и сдачи излишков граждан, равно как и всех допустивших это уклонение ответственных представителей власти карать конфискацией имущества и заключением в концентрационный лагерь как изменников делу рабоче-крестьянской революции.

5. В целях облегчения обмолота маломощными хозяйствами и семьями красноармейцев: а) обязать Военпродбюро Всероссийского Центрального Совета Пресфюзсов при содействии Глазкомтруда привлечь и направить для продработы в Сибирь продовольственные отряды до 6 000 рабочих.

6. Обязать Наркомтруд мобилизовать и напастить в распоряжение сибирских продработчиков до 20 000 человек, организованных в рабочие дружины голодающих крестьян и рабочих европейской России.

7. В целях обеспечения полного обмолота и сдачи хлебных излишков вменяется в обязанность начальнику ВОХР выполнить в срочном порядке полностью предъявленное Наркомпродом требование на вооруженную силу для Сибири в количестве 9 000 штыков и 300 сабель. [Этот пункт оглашению не подлежал].

По разверстке Наркомпрод Сибирь обязывалась до марта 1921 года сдать 110 миллионов пудов хлеба. Доля Алтайской губернии, как самой хлебобородной, была определена в 31 миллион пудов — треть сибирского задания.

Разверстка устанавливалась и на все другие виды сельскохозяйственной продукции. По Алтаю это выглядело так: 140 586 голов крупного рогатого скота; 250 361 голов мелкого скота; 93 570 свиней; 590 277 пудов масла; 11 609 818 штук яиц; 2 100 000 пудов картофеля; 115 000 пудов льна; 98 000 пудов конопли; 45 700 пудов шерсти грубой; 4 275 пудов шерсти поярковой; 37 000 штук конских кож одного года; 36 800 штук скотских кож от года и выше; 154 700 штук телячьих кож до одного года; 71 700 штук овчин и козлятин; 48 100 штук мерлушек; 4 576 000 пудов сена; 2 750 000 пудов соломы.

Длинный этот перечень привел крестьян в недоумение.

— Сказывают — голод, а зачем шерсть берут? Куды она голодным? И кожи требуют. В чем ходить будем? Заплатку сделать не из чего...

Мужичкой головою трудно было постичь, что всеобъемлющую эту разверстку породил не только голод. Это была попытка искусственного

ки, но и победу социализма в деревне.

Спротивление «несознательных» крестьян разверстке подавлялось массовыми репрессиями. Вот что писал 25 октября 1920 г. в уком партии известный борец за власть Советов на Алтае Николай Ерушев, находившийся в селе Буранове Шадринской волости в качестве инструктора по организации комячеек:

Продразверстка, продналог... КАК ЭТО БЫЛО НА АЛТАЕ?

Рассказывают документы

введения коммунизма. Поскольку при коммунизме труд, по науке, носит общественный характер, стало быть, и все продукты труда, произведенные крестьянами ли, рабочими ли, принадлежат обществу и распределяются между его членами по справедливости, не в пример проклятому капитализму, где рынок, торговля, деньги порождают неравенство и эксплуатацию человека человеком.

Примерно так выглядела одна из наивных утопий поры «военного коммунизма» — натуральный продуктообмен. В какой-то мере его можно было бы оправдать чрезвычайной обстановкой тех лет, но прикрыться этим оправданием не захотел и сам Ленин.

«Мы сделали ту ошибку, что решили произвести непосредственный переход к коммунистическому производству и распределению. Мы решили, что крестьяне по разверстке дадут нам нужное количество хлеба, а мы разверстаем его по заводам и фабрикам, — и выйдет у нас коммунистическое производство и распределение».

Не вышло. Крестьяне встретили продразверстку в штыки, тем более, что хлеб и другие продукты у них отбирали не в обмен на промышленные товары (их не было в разоренной стране), а просто так, задарма, как говорят.

Недовольство продразверсткой охватило не одних кулаков, на которых долгие годы валили всю вину, а большинство крестьян, за исключением разве гоимой бедноты; им терять было нечего. наоборот, из конфискованного «кулацкого» имущества кое-что перепало. Усиленная же антикулацкая кампания, развернувшаяся в те годы, имела целью, как я понимаю, расслить деревню, обострить классовую борьбу и тем облегчить не только сбор продразверст-

«...Дальнейшую партработу в волости вести невозможно, потому что продвопрос поставлен и разрешается в такой плоскости, как он не может разрешаться. Неизвестно откуда-то взятая цифра на волость совсем не совпадает с действительностью имеющегося хлеба и других продуктов и неправильно разложена среди селений и отдельных хозяйств. Разверстка и выполнение ее производится путем резких приказаний и давления на массу. Забранные заложники — не все кулаки. (Даже заложников брали! Чем не война? — В. Г.) Чтобы выполнить хотя бы 60 процентов разверстки*, мы должны отдать весь хлеб с семенами».

Еще более резко выражался бывший командир партизанской дивизии в армии Мамонова, а в декабре 1920 года — особополномоченный губчрезпяртерки Родион Захаров. Протестуя против ареста заместителем губпродкомиссара 60 крестьян в Боровской волости, он писал: «Так поступали при Николае жандармы и царские приспешники. Надо подойти к крестьянину с открытой душой. Крестьянин согласен без грубостей пойти на помощь Советской власти».

Но без грубостей некоторые продработники, видимо, не умели с мужиком разговаривать. Или не хотели. Зачем тогда власть дадена? Вот, для примера, приказ алейского райпродкомиссара Михайлова Безголосовскому сельсовету от 25 декабря 1920 года:

«Приказываю в боевом порядке в течение 4-х часов сделать наряд на 400 подвод с вашего села и таковые нагружать немедленно хлебом ежедневно, пока не будет выпол-

* Сроки выполнения продразверстки были установлены такие: к 1 декабря 1920 года — 60 процентов, к 15 января 1921 года — 20 процентов, к 1 марта 1921 года — 20 процентов.

нена вся разверстка, то есть 75 000 пудов. За неисполнение настоящего приказа все движимое имущество всех членов исполкома будет немедленно конфисковано и таковые преданы суду Военного трибунала».

И привел-таки свою угрозу в исполнение, ибо сельсовет в Бураны и бездорожье оказался не в силах полностью выполнить грозный приказ...

Но не будем обвинять во всем одних только продработников. 11 октября 1920 года, например, столь же грозный приказ был издан по Бийскому району, а подписали его наряду с райпродкомиссаром секретарь укома партии и председатель исполкома. Приказ обязывал всех членов комячеек и Советов в течение 72-х часов сдать 60 процентов причитающейся с них разверстки. «Всех, не исполнивших настоящий приказ немедленно арестовать и со списками препроводить в райпродком».

«Не торопитесь обвинять руководство уезда в самоуправстве. Они ничего не нарушили. Они лишь выполняли постановление Совнаркома РСФСР «Об изъятии хлебных излишков в Сибири». Вспомните: «виновных в уклонении от обмолотов и сдачи излишков граждан, равно как и всех допустивших это уклонение ответственных представителей власти, карать конфискацией имущества и заключением в концентрационный лагерь как изменников делу рабоче-крестьянской революции».

Так что все, как видите, по закону.

В начале 1921 года в ряде сел: Лебяжьем, Соусканихе, Шубенке, Сухой Чемровке, Полковникове и некоторых других вспыхнули «бабьи бунты». Крестьянки, спасая своих детей от угрозы голодной смерти, пытались помешать вывозу хлеба. Бунты были разогнаны воинской силой, в Соусканихе и Лебяжьем арестовано 26 женщин и препровождено в Бийский концлагерь. Возможно, аресты были и в других селах.

Председатель Алтайского губревтрибунала, подводя итоги работы в период продразверстки, писал в отчете:

«К 20—25 декабря 1920 го-

да в каждом подрайоне (для сбора продразверстки губерния была поделена на районы и подрайоны — В. Г.) имелся как бы концлагерь с числом арестованных от 150 до 350 человек, отбывающих наказание на сыпных пунктах... Виновные арестовывались райпродкомиссарами, их уполномоченными и волгентами и в большинстве случаев направлялись в подрайон при одной лишь записке: «При сем препровождаю 15 или 30 человек такого-то села, арестованных за разверстку».

Люди отсылались в заготконтору, которая и распределяла их по работам. В смысле содержания арестованных в райпродкомах дело было поставлено крайне отчаянно. Арестованные должны сами приискать себе квартиру и кухарку, хлеб выдавался редко и в большинстве случаев мукой, кипятком отсутствовал, что заставляло арестованных отлучаться домой за 50—70 верст за продуктами или таковые привозили их родственники. Срок ареста не определялся».

Губревтрибунал с 20 декабря 1920 года по 1 марта 1921 года рассмотрел 523 дела на 1 154 человека, из них 300 освободил, 15 приговорил к расстрелу, остальных — к лишению свободы на срок от двух месяцев до двадцати лет.

«В результате, — с гордостью докладывал председатель губревтрибунала, — выполнение разверстки, остановившейся к началу работы сессии на 40 проц. хлебной, дошло до 55 проц., а масляной — с 30 до 43 проц.»

Эти успехи были достигнуты ценой «всего» пятнадцати человеческих жизней, не считая сотен покалеченных судеб! Было чем гордиться.

Крестьянин поселка Гражданского Локтевской волости Иван Рехтин написал Ленину письмо с жалобой на то, что продработники забирают даже семена и заставляют молотить хлеб в буран.

«Не для подрыва ли авторитета Советской власти это служит?» — спрашивал Рехтин.

Письмо из приемной «Совнаркома было переслано в Алтайский губисполком, и ответ на него (в копии — автору) дал губпродкомиссар. Действия продработников он оправдывал большим объемом работы, нехваткой кадров, обладающих необходимой выдержкой и тактом, в силу чего дело взимания продразверстки не обошлось, как он выразился, «без некоторой шероховатости в деталях исполнения».

О великий, могучий и т. д. русский язык!

Остальные обвинения губпродкомиссара попросту отмахивались. «Шероховатости» не уменьшились, скорбный их перечень можно продолжать и продолжать. Но главные были еще впереди.

Василий ГРИШАЕВ.

[Продолжение следует].

История и современность

(Начало в № 237—238).

2. ДВА ДОКЛАДА

В первых числах июля 1920 года в Алейскую степь, в район плотниковского мятежа, был направлен член комиссии Губчека Анатолий во главе сводного отряда, состоявшего из роты интернационалистов 444-го батальона ВЧК и кавэскадрона 87-й бригады ВОХР, всего 255 человек.

Анатолий имел мандат особоуполномоченного губчрезпятирки по борьбе с бандитизмом. (Бандитами в те годы именовались участники антисоветских мятежей). В архиве бывшего Алтайского крайкома КПСС сохранился его обстоятельный доклад о результатах «боевой командировки». Из доклада можно получить представление не только о методах борьбы с крестьянским мятежом, но и о характере, взглядах автора, известного борца за власть Советов на Алтае, что, согласитесь, тоже небезынтересно.

4 июля Анатолий прибыл в село Боровское. «Не успел расквартировать своих бойцов, — пишет он, — начали являться в отряд местные крестьяне и вести контрреволюционную агитацию. Мною были приняты решительные меры: агитаторы пойманы (1) и расстреляны».

Мне думается, «контрреволюционная агитация» несчастных крестьян заключалась лишь в том, что они пожаловались пытались на самоуправство и беззаконие. За правдой пришли...

«В районе села Боровского, — читаем далее, — мною была предпринята работа по налаживанию твердой совласти, вылавливание дезертиров, выемке оружия и подавлению банды Нечунаева, действовавшей в этом районе. Где не представлялось возможности переизбрать Совет, в которых находились люди, не соответствовавшие своему назначению, мною были поставлены ревкомы. (Не позабудишь Советам! Кто их только не разгонял, не арестовывал, не переизбирал. Не с тех ли пор пошла на убыль их реальная власть? — В. Г.). 13 июля мною было получено донесение, что в 30 верстах от Боровского, в районе села Ворониха, кулацкий элемент поднял восстание против Советской власти. С частью своего отряда я двинулся в означенное место, и в кратчайший срок восстание было подавлено, зачинщики расстреляны, пособники отправлены в губчека как заложники...».

16 июля Анатолий получил приказ прибыть в Барнаул, но со станции Алейская был возвращен «для дальнейшей работы» в район Боровского и Волчихи.

В чем заключалась эта «работка»?

«В селах Урлапово и Зеркальное, где крестьянская масса была настроена контрреволюционно, порядок был восстановлен — главари расстреляны, пособники отправлены в Барнаул заложниками. (Заметьте, в указанных селах ни мятежа, ни заговора не было, за одно лишь выражение недовольства такие кары. — В. Г.).

но в губревтрибунал — 15, отпущено из-под ареста — 121, расстреляно «злейших врагов Советской власти» — 52. Сколько не вернулось из трибунала и губчека, мы вряд ли когда-нибудь узнаем...

«Потеря во вверенном мне отряде не была», — заключает Анатолий свой доклад. Откуда им быть, потерям-то?..

С трудом верится, что там

никоя интеллигенция (11), которая агитировала против Советской власти неосознательных крестьян и натравливала их на коммунистов».

Как видим, слона-то он и не заметил — продрозверстку, если не считать туманного намека: «Боязнь кулацкого элемента за свою собственность».

Что еще сказать о таком «анализе»? В нем верно лишь

всему были причины следующие: 1. Разверстка. (Неужто Анатолию это было не ясно? — В. Г.). 2. Неопытность инструкторов. 3. Бездеятельность местных советских органов. 4. Недостаток исчерпывающих распоряжений.

По словам Толоконникова, в результате нераспорядительности местных властей и вражеской агитации в деревне сложилась невыносимая обстановка и для богатых, и для бедных. Бедняки обычно покупали хлеб у зажиточных. Теперь же начали им отказывать.

— Хлеб взят на учет, если продам — под суд попаду. Идите в исполком, ревком.

В исполкоме (ревкоме) посылают к инструктору, ибо сами решить такой вопрос не имеют права. У инструктора — тоже отказ: «Из разверстки разрешить продажу не могу».

Бедняк вновь идет к богачу, кланяется в ноги (голод — не тетка), и тот по завышенной цене (так сказать, плата за риск) продает, наконец, ему хлеб.

В такой обстановке, по выражению Толоконникова, «народилась армия подстрекателей», которые нашептывают крестьянину.

— Вот вам и советская власть! «Накормила» бедняка... А што будет, когда отберут хлеб у тех, кто его имеет? Вы с голоду поумремте...

«Негодование все больше и больше возрастало у богатого и бедного... Будь в этот момент не только Плотников, Шишкин, Иванов, а хотя бы сам дьявол, который особенно страшен религиозным людям, а их в деревне — достаточно количество, и скажи он: «Бей инструкторов, совработников, бедных коммунистов, которые служат оружием в руках неопытных инструкторов», они бы бросились все, как один, с пиками в руках...».

Возможно, Толоконников и сгущает краски, но, согласитесь, что происходящие события он анализирует более вдумчиво и глубоко, чем Анатолий. Причина тут, на мой взгляд, в том, что Толоконников сам был крестьянином, жителем Волчихи, тут и в подпольной работе участвовал после белочешского переворота, тут и партизанил — был членом Главного штаба армии Мамонтова, членом Облакома. Ему ли не знать жизнь своих земляков, их думы и чаяния!..

В его докладе нет даже упоминания ни о расстрелах, ни о конфискации. Сумел обойтись без крайних мер, и это делает ему честь.

А мандаты у обоих были одинаковые...

Василий ГРИШАЕВ.

[Продолжение следует].

Продразверстка, продналог... как это было на Алтае?

рассказывают документы

В селе Коробейникове была произведена конфискация имущества у семей бандитов; конфискованный скот направлялся на продпункт, лошади — в воинскую часть, а негодные к строю раздавались местному беднейшему населению».

Поневоле задумаешься: а с чем остались жены, малые дети «бандитов»? Они-то за что наказаны?..

Справедливости ради надо сказать, что Анатолий занимался не только расстрелами и конфискациями. «По прибытии в Волчиху, — читаем в его докладе, — мною была предпринята в широком масштабе работа по налаживанию и контролю вол- и сельхозполкомов, для чего по району были посланы политработники, они инструктировали ячейки и исполкомы, собирали собрания и митинги, разъясняли крестьянской массе смысл происходящих событий, положение Советской России, необходимость выполнения хлебной разверстки. (Еще до «великой» продразверстки на Алтае в марте 1920 г. была введена своя, местная, сравнительно небольшая по размеру, но крестьяне и с такой не хотели мириться. — В. Г.). В селах и деревнях организованы комячейки, создание которых было крайне необходимо ввиду отсутствия в некоторых селах воинских частей, каковых и могли заменить комячейки. По мере возможности им выдавалось оружие».

Вот так смотрел Анатолий на роль и предназначение комячек на селе!..

Результаты его «боевой командировки» впечатляют: всего было арестовано 290 человек, из них отправлено в Барнаул, в губчека — 102, переда-

мог поступать человек, пользующийся на Алтае славой одного из самых отважных борцов за власть Советов, за свободу и счастье трудового народа:

В некоторое оправдание его можно сказать, что разбойничал он не по своему призыву, а в пределах прав и обязанностей, определенных мандатом особоуполномоченного. А там все было расписано и об арестах, и о конфискации, и о расстрелах. Правда, выносите смертные приговоры: он имел право лишь при участии двух заседателей от местного населения, только это уже были мелкие формальности. Но мандат мандатом, а дело еще и в человеке, в его характере...

Конечно, обстановка в районе только что подавленного мятежа была сложной, об этом говорят и цифры изъятых Анатолием у населения оружия: винтовок — 151, шашек — 40, пулемет ручной — 1, патронов — 7 000. Но все ли можно оправдать обстановкой?..

Есть в докладе и такой раздел: «Чем вызвано восстание?». Похоже, над этим вопросом Анатолий шибко не задумывался: в ответе всего несколько строчек. По его словам, восстание вызвано «отсутствием на местах политически развитых работников, бездеятельностью местных властей, безалаберным отдаванием приказов и приказаний советскими органами, посылкой по районам неопытных инструкторов разных отделов, которые не знают своих прямых обязанностей, боязнь кулацкого элемента за свою собственность, а также расползшаяся по селам и деревням во-

то, что местные органы были неопытны и слабы, но это не вина их, а беда. Что же касается «вонючей интеллигенции», то, право, неловко за Анатолия. Да и не совсем ясно, кого он имел в виду...

Интересно сравнить доклад Анатолия с докладом другого особоуполномоченного губчрезпятирки Афанасия Васильевича Толоконникова, направленного в начале августа в район Волчихи и Каипа с той же задачей, с теми же, заметьте, правами.

В Волчихе они работали вместе: Анатолий взял на себя разбирательство с арестованными крестьянами, Толоконников — налаживание партийной и советской работы.

В отличие от Анатолия Толоконников чуть не половину своего доклада уделил вопросу о причинах восстания.

«Восстание, — пишет он, — бывает там, где общество доведено до высшей меры негодования какой-либо личностью, или властью, или представителями ее, или каким-либо классом, от которого ему стало невмоготу. Не нужно забывать, что сибирские крестьяне — с ног до головы собственники плюс к тому самолюбивы, горды, а в завершение темны, как ночь; следовательно, к ним нужно подходить с целью завоевания (их доверия) с особой осторожностью».

Многие свидетели утверждают, что горячее участие в организации восстания приняли эсеры и зажиточные кулачки, у которых было побольше запасов хлеба и других продуктов питания. Середняки и бедняки тоже не отстали примкнуть к восстанию против Советской власти и коммунистов. Этому

История и современность

(Продолжение. Начало
в №№ 237—238, 242—243).

3. «ТЫ, ЕФИМ, СОВЕТСКУЮ ВЛАСТЬ

УСТАНАВЛИВАЛ...

А как вел себя в это сложное и драматичное время бывший партизанский главнокомандующий Ефим Мамонтов?

Бывший-то бывший, но он был на виду, к нему прислушивались, слово его по-прежнему много значило.

Доктор исторических наук В. Шишкин в статье «К биографии Е. М. Мамонтова» обвиняет его в «политической пассивности». В доказательство приводит такие факты.

В январе — феврале 1920 года из запасных полков дезертировало несколько тысяч бывших алтайских партизан, призванных в Красную Армию.

Вопрос этот малоизучен и требует отдельного разговора. Историки до сих пор обходят его молчанием, в крайнем случае объясняют сопротивлением партизан воинской дисциплине, их темнотой и неосознанностью. Но вряд ли справедливо обвинять в неосознанности людей, еще вчера с пиками и дробовиками ходивших на колчаковские пулеметы.

Дезертиры скапливались близ родных сел и деревень; вели они себя порою не лучшим образом и доставляли массу хлопот местным властям; немало их влилось в ряды повстанцев, в частности, в отряд Ф. Д. Плотникова.

Чтобы как-то управиться с ними — склонить к добровольной сдаче или, на худой конец, выловить, в губернии и уездах были образованы специальные комиссии — губком-дезертир, уездком-дезертир. Так вот, в одну из групп, выехавших в район Волчихи — Солоновки, где скопилось много дезертиров, был включен и Мамонтов.

«Ефим Мефодьевич, — с упреком пишет В. И. Шишкин, — от решения поставленной задачи по существу уклонился».

В сб. Гражданская война и партизанское движение в Алтайском крае. — Барнаул, 1989 г., с. 32—36.

ся, ограничившись сбором информации».

Не захотел, стало быть, партизанский главнокомандующий вчерашних боевых соратников и препровождать куда следует.

Далее. В ноябре 1920 года, по свидетельству В. Шишки-

бывший по служебным делам из Омска в Барнаул, смело протестовал против недоброжелательного отношения некоторых представителей Советской власти к бывшим алтайским партизанам, которые необоснованно подвергались массовым арестам по подо-

Со времени же выступления последних репрессий и преследования в отношении бывших партизан усилились, так как авантюра некоторых негодяев из партизан и их состава... направила судебное следствие на ложный путь... Доказательством

Да, он поднимал крестьян на борьбу за Советскую власть, сам был предан ей всею душой, но теперь, глядя, что делают с деревней от имени Советской власти, он, мне думается, глубоко, мучительно страдал... По некоторым сведениям, он пытался успокоить крестьян, убедить их и себя — что виновата не Советская власть, а отдельные негодяи, примазавшиеся к ней, что скоро с ними разберутся, и все станет на свои места.

А что еще он мог сделать? За каждым его шагом, каждым словом следили. Кто в этом сомневается, прочитайте выдержку из донесения командира 226-го полка от 10 декабря 1920 года:

«Мамонтов на переданные ему многочисленные жалобы крестьян, указывающие на неправильность разверстки, дает надежды сложения или уменьшения разверстанного продфуража. Отношения крестьян и местных властей обостряются на почве считания первыми Мамонтова защитником их интересов. По заявлению востровской комячейки, Мамонтов большей частью близится с лицами политически неблагонадежными. Отношения между ним и ячейкой не налажены ввиду нежелания последнего».

Как видим, Мамонтов и после фронта остался «пассивным». Но даже такой он мешал властям. В декабре 1920 года, еще полубольной после фронта, бывший главнокомандующий Красной Армии был арестован и в отдельном купе, в сопровождении охраны и фельдшера (какая гуманность!) отправлен в Омск, где несколько месяцев провел в заключении, под следствием. Потом был отпущен домой, ибо никакой вины за ним не нашли.

А 25 февраля 1922 года Мамонтов был зверски убит во Власихе местными жителями («кулаками»). 12 июля в Барнауле состоялся суд над убийцами Мамонтова. Не знаю, открытый был суд или закрытый, но, вопреки обычаю тех лет, в газете «Красный Алтай» он фактически не освещался, и уголовное дело с материалами следствия, протоколами суда до сих пор не найдено. Случайно ли это?

Василий ГРИШАЕВ.

(Окончание следует).

Продразверстка, продналог... КАК ЭТО БЫЛО НА АЛТАЕ?

Рассказывают документы

на, Мамонтову была предложена должность командира бригады ВНУС, но он от такой чести уклонился.

Напомним, что войска ВНУС (внутренней службы) состояли при НКВД РСФСР и предназначались для «поддержания революционного порядка» (значит, и для борьбы с крестьянскими мятежами), охраны путей сообщения, «проведения в жизнь заданий Наркомпрода по заготовке продовольствия», то есть для продразверстки.

Мог ли Мамонтов на такое пойти? Тогда он не был бы Мамонтовым. То, что В. Шишкин называет «политической пассивностью», на мой взгляд, свидетельствует о глубокой внутренней порядочности Мамонтова, о том, что этого человека невозможно было заставить пойти против совести. Согласитесь, что для этого требуется немалое мужество. Вот когда Мамонтову предложили настоящее дело — командование бригадой, отправлявшейся на борьбу с Врангелем — куда девалась его пассивность!..

В качестве свидетельства о том, что Мамонтов в суровое лето 1920 года был отнюдь не пассивен, можно привести его письмо от 6 июля 1920 года председателю Сибревкома И. Смирнову, ранее не публиковавшееся. В этом письме Мамонтов, только что назначенный командиром добровольческой бригады и при-

зрению в неблагонадежности и даже в контрреволюционности.

«Нет ни одного места заключения в Алтайской губернии, — писал он, — где бы не томились бывшие партизаны и их командиры. Я, конечно, говорю не о явных негодяях, как Рогов, Плотников, Чайников, которые и в период тяжелой борьбы моей партией далее грабежей, жестокостей и насилий над населением не шли, но говорю о товарищах, совершивших преступление чисто случайного характера, как пьянство, сопровождаемое руганью и проч., картежная игра, неосторожное слово, по неосознанности произнесенное в обыденном приятельском разговоре (на улице, базаре, в частном доме), из которых ярые блюстители порядка, усердствуя, заключают о сугубой контрреволюционности мнимых виновников. Следственная часть с делами таких товарищей не торопится и напрасно их только этим озлобляет. Имеются дела, которые тянутся целыми месяцами, а виновники продолжают сидеть без всякой пользы для себя, семьи и государства».

Систематические аресты всюду бывших партизан и самое недоброжелательное к ним отношение властей, мне думается, несомненно, усилили дезертирство и бросили в авантюру Плотникова, Рогова и компании.

чего может служить как курьез намерение Новониколаевской Чеки арестовать даже меня по подозрению в роковщине».

Мамонтов возбудил ходатайство перед Сибревкомом об освобождении бывших партизан из-под ареста с предоставлением ему права взять их в свою добровольческую бригаду, «где будет действительно виновным предоставлена возможность на кровавом поле брани искупить свои вины, а остальным помочь государственному делу освобождения страны от внешнего лютого врага...».

До председателя Сибревкома письмо не дошло. 17 июля управляющий делами Сибревкома распорядился отправить его в Алтайский губервком, очевидно, «на усмотрение», но 18 июля бригада уже выехала из Омска на фронт...

Мамонтов вернулся с Южного фронта поздней осенью 1920 года, в самый разгар продразверстки. Краевед В. Комаров в очерке «Таким был главнокомандующий партизанской армии» (Газета «Путь Ильича» от 6 февраля 1988 г.) рассказывает, как один односельчанин принес Мамонтову ключи от своего амбара и швырнул их ему под ноги.

— Ты, Ефим, Советскую власть устанавливал, а она у нас хлеб отбирает.

Каково было Мамонтову выслушивать такое?..

4. Карточка № 5

(Начало в № 237—238, 242—243, 247—248).

В марте 1921 года продразверстка была заменена продналогом. Размер его был меньше размерстки и объявлялся до весеннего сева. Крестьяне вздохнули с облегчением. Но летом страшная засуха обрушилась на Поволжье, охватив территорию, где проживало 22 миллиона человек — пятая часть населения республики. В такой обстановке правительство вынуждено было увеличить осенью размер продналога: в губерниях, не пострадавших от засухи. Так, если в целом по стране он составлял 12—15 процентов валового сбора, то на Алтае подскочил до 37.

«Продналог оказался немногим меньше продразверстки, и собрать его без нажима невозможно», — такое признание можно вычитать в отчете Алтайского губкома РКП(б) за сентябрь 1921 года.

Размер продналога на Алтае определялся так: посевная площадь увеличивалась вдвое. Если крестьянин засеял, допустим, 10 десятин, то налог его обязывали платить за 20. Больше того, заранее независимо от реального, был определен наивысший, 11-й, разряд урожайности — 100 и более пудов с десятины. Насколько он не соответствовал действительному, видно из данных официальной статистики. Так, за последние 16 лет урожай озимой ржи составлял в среднем 50,3 пуда с десятины, а в 1920-м (неурожайном) — всего 26,3 пуда; яровой пшеницы — соответственно 43,3 и 18 пудов.

Эти две мифические цифры — размер посевной площади и урожайность — привели к тому, что продналог для многих крестьян оказался непосильным и привел к полному разорению их хозяйств.

Тем не менее уже в середине января 1922 года, на два месяца раньше срока, Алтайская губерния первой в Сибири отплатила Сибрезкому, что продналог выполнен, причем даже с превышением. Но какой ценой достался этот успех?

Приведу лишь небольшую, наиболее достоверную часть документов из тех, что мне известны.

Из доклада представителя Рабрина Пинигина Василия (без даты):

«Находясь на продработе при заготконторе ст. Топчиха, нахожу нужным обрисовать следующее положение:

1. Топчихинский район выполнил разверстку почти на 100 процентов.

2. Многие крестьяне незаконно подвергнуты суду, конфискации имущества. Все видят, что у него нет ничего и нечего с него взять, а он подвергается наказанию. Мы этим только теряем доверие крестьян к Советской власти.

3. Постановлением выездной сессии ревтрибы многие крестьяне осуждены заочно на 1—2 месяца принудработ. Они не знают за что. У многих конфискованы лошади, коровы (за молочный продналог). Из них большинство — немущие, при полном желании они не могут выполнить продналог. У многих крестьян за 10 яиц или фунт масла конфискуют лошадь или корову...»

Из доклада начальника штаба ЧОН Алтайской губернии о политическом состоянии Рубцовского уезда с 24 ноября по 1 декабря 1921 года:

«Продработники к неплательщикам продналога применяют самые суровые меры: порки, мордобитие и прочие пытки. В Сростках неплательщиков босыми, раздетыми выстраивали рядами и один из продработников с револьвером в руке подавал команду:

— Вокруг сельисполкома шагом марш!

И военным строем гоняли,

ли случайный, единичный характер? Если бы так...

14 января 1922 года, по случаю успешного окончания продналоговой кампании, в Барнауле состоялось заседание коллегии Алтгубпродкома. Это был, так сказать, съезд победителей. Его участники откровенно поделились опытом работы. А чего стесняться в своем-то кругу? От этого

совет. Обработали 16 волостей. 4 расстрела, из них два заменены пятью годами принудработ. Одна Буланиха дала 900 арестованных.

Савельев, Усть - Пристанский районный продкомиссар:

«...Был организован лагерь для арестованных неплательщиков с особым режимом и голодным пайком — 1/8 фун-

Продразверстка, продналог... КАК ЭТО БЫЛО НА АЛТАЕ?

Рассказывают документы

пока неплательщики не запели на разные голоса, после чего с них брали подписки о выполнении продналога на 100 процентов. Не давшие подписку обливались холодной водой и сажались в холодные амбары, после чего все давали подписки. После таких репрессий давшие подписку, но не в состоянии ее выполнить, оставив семьи на произвол судьбы, бежали в разные стороны; отцы и жены сбежавших подвергались избиению...

Партийные силы на местах в связи с продналоговой кампанией в большинстве потеряли свой авторитет среди местного населения, так как принимали горячее участие в сборе продналога и небезучастие в некоторых репрессиях.

После выполнения продналога население осталось без продуктов. Продаю скот...»

А вот что творилось в Локтевской волости (из рапорта бывшего сотрудника Барнаульского оперпункта ПТУ Кузнецова от 12 октября 1921 года):

«...Проезжая с продотрядом по Локтевской волости, я увидел человека 30 крестьян-арестованных, которых гнали по всей волости, начиная с самого Локтя, потом в Веселоярку, Московку, Саратовку, Покровку и опять в Локоть. Там 1 октября арестованных посадили в амбар, откуда ночью выводили по одному и начинали бить кулаками и стегать плетьюми...

2 октября приехали в деревню Кострому, где заместителя председателя сельсовета — уполномоченный упродкома Кулагин Михаил начал бить их кулаками по лицу... 3 октября поехали в село Локоть, где Кулагиным был арестован весь сельсовет в числе 30 человек, которых били кулаками, прикладами винтовок, стегали плетьюми. В числе избитых были и коммунисты.

5 октября поехали в село Веселоярское. Здесь, избивания продолжались. Заведует одного крестьянина в комнату уполномоченного Кулагина, заставят его раздеться, наставят ему в лоб наган, говоря: «Не кричи! Как закричишь — пристрелим». И тогда начинают его атроем бить кулаками: Кулагин, его помощник Юнкин и продинспектор Самарин. Одного крестьянина били-били плетьюми, прикладом аинтовки, а потом подняли его за плечи и ноги кверху и стукнули об пол так, что у него пошла кровь из носа и рта, из ушей. Из комнаты его вытащили полумертвого...»

Может зверства эти носи-

«опыта», ей-богу, мороз подирает по коже. Вот выдержки из некоторых выступлений.

Рудаков, продкомиссар Алейского района:

«Задание выполнено, но, взимая налог, мы разорили много хозяйства в районе и еще большее количество хозяйства лишили физической возможности больших заборов...

Арестов население не боялось, полагая сидением отделаться от налогов, потому мы их не производили, но арестовывали и гнали на мороз в горюх как бы для работы в шахтах на неопределенное время; в дороге требовали дать подписку об уплате налога полностью. Такую подписку они всегда давали, и она выполнялась.

Применялся и такой прием. Злостный неплательщик вызывался в особое помещение, где ему устраивался допрос у четырех столов в порядке усиления строгости. Если он упорствовал, на последнем столе ему вручалась карточка с изображением «№ 5». Значение номера неплательщику не сообщалось (в сущности, его и не было), но предлагали с этим номером явиться в соседнюю комнату. Там находились продработники и другие работники. Узнав, что он получил № 5, они приходили в ужас и высказывали ему соболезнования. Взысканные нервы допрашиваемого не выдерживали этой неизвестной кары, он возмущался и давал подписку об уплате, возвращая злополучную карточку».

Представляю, как развеселила эта остроумная метода членов коллегии. А вам не смешно, читатели?

Альперович, Бийский уездный продкомиссар:

«Сессия ревтрибунала работало две. Когда был вынесен первый смертный приговор, значение сессии утвердилось... Всего было арестовано 1.213 человек. Приходилось усиливать тяжесть ареста: не давали спать суток по трое».

Лисин, представитель ревтрибунала:

«В Яминской волости вынесли суровый приговор (расстрел) председателю сельсовета как злостному неплательщику, после чего в 24 часа собрали весь налог. Сессия работала около года. За это время не было ни одного оправдательного приговора».

Егоров, председатель сессии № 2 ревтрибунала, работавший в Барнаульском и Бийском районах:

«Приходилось садить на скамью подсудимых весь сель-

та хлеба в день (50 граммов — В. Г.). Табак отбирался. Симулировались расстрелы.

Применялся и такой прием: в упорствующее село посылались переодетые красноармейцы в качестве сочувствующих против налога, узнавали руководителя, который немедленно изымался и нес кару.

При задании 1.300.000 пудов собрано 1.313.000. Из 25.000 налогоплательщиков подвергнуто аресту 5.800»

То есть каждый четвертый-пятый! Не мятежам надо удивляться, а мужицкому долготерпению...

Наверное, хватит примеров?

Возможно, читатель ждет теперь рассказа о том, что продработников, допустивших этот разгул произвола, постигла суровая кара советского закона? К сожалению, такими сведениями не располагаю. Конечно, самые зарвавшиеся насильники суда не избежали, но основная масса их, как и полагаю, осталась безнаказанной. Основание к такому предположению дает секретное письмо губкома РКП(б) от 11 января 1922 года всем уездам. В этом письме в связи с огромным потоком жалоб на продработников губком разъяснял, что «в данном случае, когда некоторые товарищи, искренно и честно относясь к выполнению возложенных на них революцией и партией заданий по выполнению продналога, в некоторых случаях впадали в неизбежные крайности при нажиме, губком считает возможным и абсолютно необходимым рассматривать их как товарищей, ничем не запятнавших своей революционной совести и не подлежащих партийному осуждению и преследованию со стороны Советского Правительств».

На основании изложенного губком «предложил»:

«1. Никаких расследований о незаконных действиях продработников на местах без разрешения губчека не вести.

2. Все материалы на них передавать в губчека.

3. Губчека расследовать их в духе изложенных положений и о каждом конкретном случае докладывать президиуму губкома».

Мне думается, письмо это в комментариях не нуждается.

Вот так собирався на Алтае продналог... Вряд ли будет преувеличением сказать, что это был настоящий военный поход против крестьян, предвестник раскулачивания и насильственной коллективизации, плоды которых мы пожинаем до сих пор...

Василий ГРИШАЕВ.